

Письмо

Мне нужен залив. Я требую залив! И даже твой прибор любимый, наверно. И соль на коже вместо одежды. Просто необходима! Вся эта морская волокита, связанная со вторым южнославянским влиянием, привела тогда нас в Новороссийск. Мне жизненно необходимо...

Сколько можно копать в этом дырявом деревянном корыте? Послушай... Мне на мой двадцать первый год подарили огромный... Нет, послушай, не смейся, мне подарили просто гигантский зонт! Под ним уместились бы все наши дети. Представляешь, если бы у тебя и меня было вдруг одиннадцать детей! И все бы под этой радугой на ножке-крючке уместились бы... Долго ещё ждать? Пока ты там копаешься, я уже пятый замок смогу построить, благо песка полный пляж... Ты знаешь, что я увезу отсюда в Уральские горы? Нет, не обнажённые тайны моря... Не то... Я увезу мокрую прилипшую к телу одежду...

Помнишь, мы бежали с берега, когда дедушка-море рвал и метал под дождём? Ты упал на песок, и он, дрожа от морского гнева, прилип к твоей груди, ты после жаловался, что у тебя песок на зубах скрипит... Фу! Целоваться ещё лез. На набережной расстелилась я: босоножки изжили свой срок—ремешок вовремя лопнул—нога соскользнула и подвернулась... Ты ещё крикнул: «Выбрось их к чёртовой...» Присев на корточки, осторожно стал убирать порвавшийся подол сафана с разбитой коленки. Падать я мастерица. Это тебе не песок во рту.

Помнишь?.. Помнишь кафе это?.. Будто стеклянный куб... Название никак не могу схватить...

Что-то похожее на «Гамбринус» или «Бегемот»... При чём тут бегемот?

Оно светилось, будто к Новому году его фонарями опутали. Но главное—музыка. Она лилась, струилась оттуда, будто и правда чудесный Сашка там на скрипке играл... И мы танцевали. На улице. Под диким ливнем, который соревновался с нами в пьяном безумстве танца. Я—босиком (сделала как ты велел—босоножки оставила в урне), ты—песочный, взъерошенный, как весенний воробей.

Вода на ещё горячем асфальте расплзлась в тёплые лужи, скрючившаяся одежда, бесстыдно прозрачная, прилипла к телам... А посетители кафе приклеились к стеклу и смеялись, фотографировали. Ты, раззадоренный этим вниманием, так лихо скакал и вертел меня, что танцевать было просто невозможно! Смех так и пробирал... потом ещё как-то глупо раскланялся, пустил парочку воздушных поцелуев со словами: «Спасибо, спасибо! Цветов не нужно!» Дурачо-о-ок.

Но ведь это был ещё не конец. Помнишь, что ты сделал потом? Нет, вспомни! Ты же меня взвалил на плечо при всех и поволок, махнув: «Adios, amigos». Дурачок.

Вот что я увезла от тебя. Всё-таки хорошо, что тогда мы не взяли мой зонт-радугу. Сейчас я запечатаю это в конверт, вложу купленную в субботу открытку, наклею марку и верну то, что увезла,—тебе. Бумерангом. Мне сейчас очень нужен залив! Просто жизненно необходимо, чтобы ты снова копался в этом деревянном корыте, многообещающе мне показывая, что «щца всё будет».